

Малыш / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Малыш / рассказ МАЛЫШ

Г-н Лемонье, овдовев, остался один с ребенком. Жену он любил безумно, любил восторженной, нежной любовью, ни на мгновение не ослабевавшей в продолжение всей их совместной жизни. Он был добрый, честный человек, простодушный, совсем простодушный, искренний, доверчивый, чуждый хитрости и лукавства.

Влюбившись в небогатую соседку, он сделал ей предложение и женился. Он довольно успешно торговал сукном, получал хорошие барыши, но ни на секунду не сомневался, что девушка вышла за него замуж ради него самого.

Впрочем, она сделала его счастливым. Во всем мире для него существовала только она одна, он думал только о ней и без конца смотрел на нее восхищенным, обожающим взором. За столом он не сводил глаз с любимого лица и поэтому совершал множество промахов, – наливал вино в тарелку, воду в солонку, потом сам хохотал, как ребенок, и оправдывался:

– Видишь ли, я слишком люблю тебя, вот и делаю всякие глупости.

Она улыбалась в ответ спокойной, покорной улыбкой, но отводила глаза в сторону, словно обожание мужа смущало ее, и старалась переменить тему разговора, а он брал через стол ее руку и, не выпуская из своей, твердил:

– Жанна, моя дорогая, моя любимая Жанна.

В конце концов она выходила из терпения и говорила:

– Послушай, перестань дурачиться. Ешь сам и дай мне спокойно поесть.

Он вздыхал и, отломив кусочек хлеба, начинал медленно жевать его.

Пять лет у них не было детей. И вдруг она забеременела. От счастья он был как в бреду. За все время беременности жены он не отходил от нее ни на шаг, так что служанка, старая служанка, которая вырастила его самого и пользовалась в доме

большой авторитетом, чуть не силой выпроваживала его погулять, чтобы он подышал свежим воздухом.

Г-на Лемонье связывала тесная дружба с одним молодым человеком, который с детства знал его жену. Г-н Дюретур служил помощником начальника канцелярии в префектуре. Он через день обедал у Лемонье, приносил цветы хозяйке дома, а иногда доставал ложу в театр. Добряк Лемонье умилялся и нередко за десертом говорил, обращаясь к жене:

– С такой подругой, как ты, и с таким другом, как он, чувствуешь себя самым счастливым человеком на земле.

Она умерла от родов. Он тоже едва не умер. Но ребенок, маленькое, сморщенное, жалобно пищавшее существо, вдохнул в него волю к жизни.

Он полюбил его страстной и мучительной любовью, болезненной любовью, к которой примешивалось воспоминание о смерти и где еще жило что-то от его преклонения перед умершей. Ребенок был для него плоть от плоти его жены, продолжение и как бы квинтэссенция ее существа. Она заронила, перенесла в тело ребенка собственную жизнь и исчезла, словно лишь для того, чтобы он мог существовать. И с какой-то исступленной нежностью отец целовал сына. Но ведь ребенок убил ее, отнял, похитил эту обожаемую женщину, впитал ее жизнь, захватил принадлежавшую ей долю под солнцем. И г-н Лемонье, положив сына в колыбель, садился рядом и смотрел на него. Он просиживал так целыми часами, глядя на ребенка, и предавался воспоминаниям, то сладостным, то грустным. Потом он наклонялся над личиком спящего сына и плакал, роняя слезы на кружева его постельки. Ребенок подрос. Отец не мог и часа обойтись без него; он ходил за ним по пятам, водил его гулять, сам одевал его, мыл, сам кормил. Его друг, г-н Дюретур, видимо, тоже очень любил этого шалуна. Он порывисто обнимал его и целовал с той бурной нежностью, которая обычно свойственна только близким родственникам. Он подбрасывал его на руках, целыми часами раскачивал, посадив верхом на свою ногу, и, внезапно опрокинув к себе на колени, задирал короткое платьице и целовал толстенькие, пухлые ножки малыша.

Г-н Лемонье шептал в восхищении:

– Какой он хорошенький, какой хорошенький!

А г-н Дюретур, сжимая ребенка в объятиях, щекотал ему шею усами.

Одна только старуха Селеста не питала, казалось, никакой нежности к мальчику. Ее раздражали его шалости и возмущало баловство обоих мужчин. Она не раз кричала им:

– Разве можно так баловать ребенка? Да он у вас вырастет сущим шалопаем.

Годы шли, и Жану минуло девять лет. Его так избаловали, что он еле умел читать и делал только то, что ему нравилось. Он был очень капризен, крайне упрям и чрезвычайно вспыльчив. Отец во всем уступал ему и решительно все позволял. Г-н Дюретур без конца покупал и дарил мальчику всевозможные игрушки, закармливал его пирожными и конфетами.

Селеста выходила из себя и кричала:

– Стыдно, сударь, стыдно! Вы сделаете ребенка несчастным, слышите, несчастным! Нужно этому положить конец. И конец придет, – да, да, поверьте мне, – и придет очень скоро, помяните мое слово.

Г-н Лемонье отвечал с улыбкой:

– Что поделаешь, милая. Я его слишком люблю и не могу устоять, когда он о чем-нибудь просит. Придется уж тебе с этим примириться.

Жан рос слабеньким, болезненным ребенком. Врач нашел у него малокровие и прописал железо, полусырые бифштексы, жирные супы.

Однако ребенок любил только сласти и отказывался от всякой другой пищи; отец в отчаянии пичкал его бисквитами с кремом и шоколадными эклерами.

Как-то вечером, когда они садились вдвоем за стол, Селеста внесла суповую миску с таким уверенным и властным видом, какого у нее обычно не бывало. Резким движением она сняла крышку, опустила в суп разливательную ложку и заявила:

– Такого бульона я вам еще никогда не готовила; уж на этот раз мальчику придется поесть его.

Г-н Лемонье испуганно опустил голову. Он увидел, что дело

принимает скверный оборот.

Селеста взяла тарелку г-на Лемонье, наполнила ее и поставила перед ним.

Он тотчас же попробовал суп и сказал:

– В самом деле, прекрасный суп.

Тогда служанка взяла тарелку мальчика и налила ее до краев. Затем отошла шага на два и стала ждать.

Жан понюхал, оттолкнул тарелку и с отвращением произнес: «Фу».

Селеста побледнела, быстро подошла к нему и, схватив ложку, насильно влила суп в полуоткрытый рот ребенка.

Он чуть не подавился, закашлялся, чихнул, выплюнул суп и, с ревом схватив стакан, запустил им в няньку. Стакан попал ей прямо в живот. Тогда, выйдя из себя, она обхватила рукой голову мальчика и ложку за ложкой начала вливать ему суп в рот. Ребенок выплевывал суп, бился, корчился, задыхался, размахивал руками и так побагровел, что казалось, вот-вот умрет от удушья.

Отец был сперва настолько поражен, что не мог шевельнуться. Но вдруг он вскочил, с дикой яростью схватил служанку за горло и прижал ее к стене, выкрикивая:

– Вон отсюда!.. Вон!.. Вон!.. Скотина!

Но Селеста, растрепанная, со сбитым назад чепцом и горящим взглядом, мгновенно высвободилась и крикнула:

– Что с вами такое? Что на вас нашло? Вы хотите меня избить за то, что я заставляю ребенка есть суп? Да вы погубите мальчика своим баловством!..

Но он повторял, дрожа с головы до ног:

– Вон!.. Убирайся!.. Убирайся, скотина!..

Тогда она в ярости стала наступать на него и, глядя ему прямо в глаза, проговорила дрожащим голосом:

– Ах так!.. Вы думаете... вы думаете, что со мной можно так обращаться, это со мной-то?.. Ну, нет!.. И из-за кого, из-за кого... из-за этого сопляка? Да ведь он вовсе не ваш сын... Да... не ваш!.. Не ваш!.. Все об этом знают! Все, кроме вас!.. Спросите у бакалейщика, у мясника, у булочника, у всех, у всех...

Она продолжала что-то бормотать вне себя от бешенства, но, взглянув на хозяина, внезапно замолчала.

Он весь побелел и застыл на месте, опустив руки. Через несколько секунд он прошептал дрожащим, глухим голосом, выдававшим страшное волнение:

– Что ты сказала?.. Что ты сказала?.. Что такое ты сказала?

Она испуганно смотрела на него и молчала. Он шагнул к ней, повторяя:

– Что ты сказала?.. Что такое ты сказала?

Тогда она спокойно ответила:

– Сказала то, что знаю, черт возьми! То, что все знают.

Он поднял кулаки и бросился на нее, как зверь, пытаясь сбить ее с ног. Но Селеста, несмотря на старость, была еще сильной и ловкой. Она вырвалась от него и, обежав вокруг стола, вновь злобно завизжала:

– Да вы посмотрите на него, посмотрите, бестолковый вы человек, ведь это вылитый господин Дюретур! Посмотрите на нос, на глаза, – разве у вас такие глаза, такой нос? А волосы? Разве у матери такие были волосы? Я же говорю вам, что все это знают – все, кроме вас! Весь город над вами смеется. Посмотрите же на него...

Но тут она очутилась около двери и, открыв ее, выбежала.

Испуганный Жан сидел неподвижно перед своей тарелкой.

Через час она тихонько вернулась посмотреть, что делается. Мальчик съел все пирожные, крем, засахаренные груши и ел теперь варенье столовой ложкой. Отца в комнате не было.

Селеста взяла мальчика на руки, поцеловала, тихо ступая, отнесла в детскую и уложила спать. Потом она вернулась в столовую, убрала со стола и привела все в порядок, тревожно думая о том, что будет дальше.

В доме не слышно было ни малейшего шума. Она подошла к комнате хозяина, приложила ухо к двери. Ничего не было слышно и там. Она посмотрела в замочную скважину. Он писал и казался спокойным.

Тогда она вернулась к себе на кухню и села, чтобы быть наготове, если позовут, так как чужала недоброе.

Она заснула на стуле и проснулась только утром.

Принявшись, как обычно, за утреннюю уборку, она подмела пол,

стерла пыль и к восьми часам приготовила г-ну Лемонье кофе. Однако, отлично зная, как ее встретит хозяин, она не решалась отнести ему кофе и ждала звонка. Он не звонил. Пробило девять, потом десять часов.

Растерянная Селеста взяла поднос с завтраком и пошла к хозяину. Сердце ее билось. У двери она остановилась, прислушалась. Ни звука. Она постучалась; никто не ответил. Тогда, собравшись с духом, она открыла дверь, вошла и вдруг с диким криком выронила из рук поднос.

Г-н Лемонье висел посреди комнаты на веревке, привязанной к крюку в потолке. Язык у него высунулся, страшный язык удушенника. Туфля с правой ноги упала и валялась на полу. На левой ноге туфля осталась. Опрокинутый стул отлетел к кровати. Обезумев от ужаса, Селеста убежала, вопя на весь дом. Сбежались соседи. Врач установил, что смерть наступила в полночь.

На столе самоубийцы нашли письмо, адресованное г-ну Дюретуру. Оно состояло только из одной строки:

«Оставляю вам малыша и поручаю заботу о нем».

* * *

Напечатано в «Голуа» 19 августа 1883 года. Впоследствии Мопассан переработал эту новеллу в повесть «Господин Паран».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Д. Лившиц Некаýalar